

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

КАК СТЕПКА БЕСПРИЗОРНЫЙ СТАЛ ПИОНЕРОМ

РАССКАЗ С. Лопатиной

Б.
Л.77.

ИЗДАНИЕ Г.Ф. МИРИМАНОВА · МОСКВА · 1925 г.

22
84.1924

Л-771

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

КАК СТЕГКА БЕСПРИЗОРНЫЙ СТАЛ ПИОНЕРОМ

Рассказ
С. Лопатиной

рис. В. Артемьева

ИЗДАНИЕ
Г.Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА

1925

С.К.

КОНТРОЛЬНЫЙ

Посвящаю беспризорным

Лютор

23893 | 1867-687.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕЛОВОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

668695 рег.-04

Российская государственная
детская библиотека

Главлит № 35427 (Москва).

Типография „Пролетарий“ у Руля“ Москва, Красная площадь, д. № 1.

СР
Тираж 10000 экз.

Как Степка беспрizорный стал пионером

Ранним утром запихает Москва. Пахнет весной. Ночью хватил мороз, утро свежее, бодрое. С восходом солнца, из-под огромного асфальтового чана, вблизи Сухаревки, выползают один за другим несколько кусков лохмотьев: то уличные бродяжки—грязные, закоптелые; лица измазаны сажей, на тряпье сажа висят кусками; ободраные пальтишки,—словно кисти, которыми только что вычистили закоптелые ламповые стекла.

Сегодня их пятеро приютилось здесь на ночлег. Расправив закоченевшие члены, оборвьши бегут к рынку, чтобы поживиться отбросами, оставшимися после вчерашней торговли. Закрытые лотки стоят уныло. Сухаревка пустынна, только собаки, обнюхивая лотки, пробегают и крутятся вокруг, в погоне за такой же наживой.

Видимая конкуренция!

Оборвьши устремляются туда же, где и собаки: они указывают им верный путь.

Разогнав собак каменями, ребята удаются выхватить лакомые куски заплесневелой колбасы, гнилых яблок, они не брезгуют и морковкой, и затхлой рыбиной, все с жадностью проглатывается и набивает их пустые желудки.

Высокий мускулистый подросток лет 14, Степка вырвав у девятилетнего Андрейки гнилое яблоко и угостив его в придачу подзатыльником, сказал:

— Поздневать буду, ждите около ворот; я за
Ванькой на Смоленский, дельце наклевывается,
а въ тут прицеливайтесь, только работать
в чистую! не то опять морду бить буду!

— Поздневать в харчевке,—отвечают ребята.

Хорошенько вокруг мотри, не профуфонивайся! — на ходу бросил Степка и вприпрыжку побежал к первому проходившему трамваю, уселся на буфер и покатил на Смоленский рынок.

На углу около чайнушки (обычное место встреч) его ждал Ванька.

Вид у него был много приличней. Сапоги на ногах, карпуз с козырьком, теплый ватный пиджак и сумка через плечо. Красивые серые глаза смотрели ясно, по-детски, — нельзя было подумать что это главарь воровской шайки, заправила многих краж, опытный карманщик. С виду он был похож на газетчика, но служил в милиции, разнося повестки по домам, где произведены кражи.

Попавшись однажды в воровстве, он, своими чистыми глазами и наивным лицом, вызывал симпатии; милиция решила его выпрямить и взяла к себе в услужение для разноски пакетов и повесток.

Ванька умело пользовался своей должностью. Мозговатый он был парень; в голове его создавались такие планы, что и взрослым не додуматься! Среди уличных бродяг он пользовался авторитетом; мелкие воришki, карманщики, картечники, кокаинисты — все уважали Ваньку и подчинялись ему беспрекословно, если он брал их в компанию обстряпать дельце.

Сбыт краденого производился в притонах, на Хитровом рынке, а покрупнее у „Касатки“. Хозяйка скрытого притона, окруженная шайками грабителей ловко прятала концы в воду, но к ней допускались лишь главари шаек, и с мелкотой она редко имела дело.

Ваньку и Степку сблизил случай. У Ваньки был небольшой, доволен уже хриплый, как видно, надорванный голос. Раньше босой, с голой грудью, в ободранной рубашке, которая висела лохмо-

твями, он крутился вокруг трамвайных остановок, обходя с шапкой публику, выспрашивая на ночлег. Часто его видели в дачных поездах, где он

под аккомпанемент гармоники распевал — „Погиб я малышика, погиб я навсегда“.

Переходя из одного дачного поезда в другой, за день, он набирал себе на пропитание, пока не

въучился под руководством опытных карманщиков „сбивать скулешник“, т.-е. вырезать кошельки из боковых карманов. К этому искусству скоро прибавились и другие; Ванька, в зависимости от обстоятельств, пользовался всем что знал.

Сблизил их с Степкой случай. Однажды вечером, в одной из чайных около рынка, Ванька утешал публику и распевал свои песни; вошел Степка, послушал и, когда тот смолк, тоже запел. Жилы вздулись на широкой мускулистой шее, лицо напряглось, и голос необычайной силы раздался в чайнушке. Гости притихли.

— Вот это песня! Это тебе певец!

— Ай, да парень!

— А ну-ка „Ухаря купца“! — просят из публики.

Степка пел одну песню за другой. Здесь его знали и любили слушать.

Любил и сам петь Степка и когда пел, песня преображала его, уносила вдаль. Больше всего любил он петь про Волгу, про родную деревню, голодные годы, про свою скитальческую жизнь.

Могучий голос был у Степки, сталю звенящий, оглушилельный. Диву давался народ, слушая парня, откуда такая силища берется.

Больше всего на свете любил он песни и свободу, любил улицу с ее неизвестностью и борьбой, и ни на какие детские дома не согласен был сменить Степка свою привольную жизнь.

Кончил петь Степка, в его фуражке, кроме мелочи, оказались и полтинники; мигнул он глазом Ваньке, и оба вышли на улицу. Знакомство завязалось быстро.

— Ты откуда? — спросил Ванька.

— Из Нижней Ахтырки, Смоленского города.

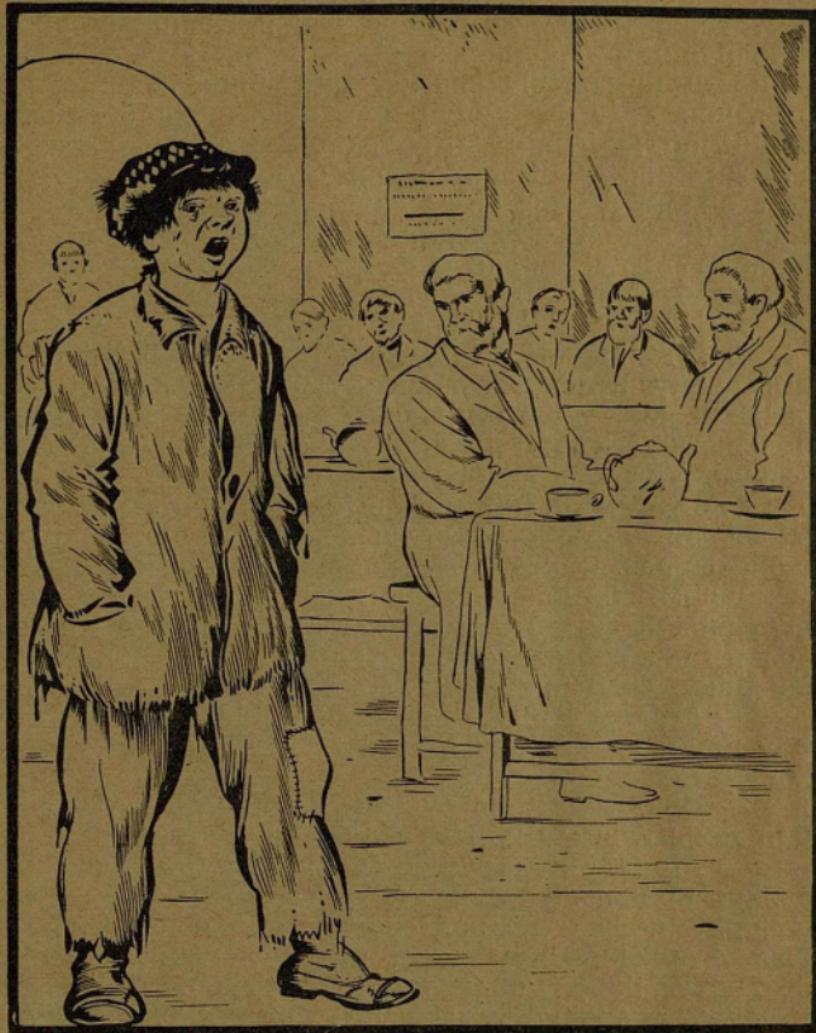
— А я подмосковный — отвечает Ванька.

— В Покровском бывал? или из Гаврикова?

(В Москве, в Гавриковом переулке находится дом праонарушителей).

— Был в обоих, из Гавриковского три раза убег, один раз два одеяла сломонил.

— Скушно там,—молвил Степка;— делать нечего как попадешь—запрут, и никакого тебе выхода нет. Хуже тюрьмы.

— Ну их к дьяволу!—отвечает Ванька;— век бы их не было этих домов-то. Одна канитель! Делать нечего, в мастерских никакого струменту,

от скуки одуреешь. Боюсь я этих домов хуже тюрьмы!

— Я три раза оттуда бегал. В последний — хотел человеком стать. Ну, ладно, думаю, уважу сам себя, хочу на честии жить, к правильной жизни примоститься!.. Месяца три держался, вот думаю, перешлют из приемника в детский дом, все дела за собой прикончу, начну съезжать, по хорошему, и от воровства отказался... Прожил так месяца три, сам себе рад, а в детский дом все не шлют; комиссия — с делом путается! Каждый день я себе клятву давал: —не убегу мол, — только вдруг этот ехидна, сволочь проклятая, все дело испортил...

— Ну, ну!.. — поддакивал Ванька.

— Воспитатель Павлов, настоящий сатана! Когда ему в рыло плевали, кулаками ребята в нос тыкали, таk ничего, только посмеивался да улыбался, — шутял мол, — а как я пустяковину в шупку ляпнул — вдруг на дыбы!

Скомандовал он нам в строю: — смирно! А я в ответ: — Жалко фуражки нет, а то бы я тебе откозырял... и рожу выкроил. — Он на меня и замахнись. Я не сперпел, цоп его по морде и давай тузиць... Техи тумаков надавал, что в тот же вечер опять в следственную комиссию, себе четвертое дело прибавил!

— Мало всыпал, — говорит Ванька, — а твоему побольше меток насадил, чтобы след на всю жизнь остался.

— Как они меня ни стерегли — убег, — только они меня и видели... Ну, а твои как?

— Меня отецшибко бил! Так бил, что за всяко; просто из синяков не выходил. Раз я на вечорку пошел, подняли возню, я в новой рубахе был. Дунька возьми, да и плесни в меня квасом, всю новую рубаху облила; я ее по носу, она, сперва, к отцу, жаловаться, я за ней! Отец в избу с вожжами, а я схватил ремень, окно выбил да в окно.

Неделю не показывался, а потом ночью пришел к маманьке, да и говорю: — я в Москву к тетке Арише поеду, — матерь уговаривала, а я в ту же

ночь и упек. Приехал к тётке-то,—а она туп в Москве в курьерах служит,—хорошо у ней в комнатке, чисто так уж очень! Переночевал у нее ночку, а другую и спыдно стало.—Я такой грязный, ободраный, а у ней чисто; все ходит за мной да следы тряпочкой подтирает! Не сперело сердце. За что, думаю, она меня кормить обязана? Ну, и убег.

— Так! — молвил Степка. — На улице без теток куда слободнее. Улица она никакой чистоты не спрашивает! Живи как хочешь!

— Ну, а привал у тебя где?

— Да где придется, когда в пустых вагонах, когда в сараях, деньги есть — так в ночлежке...

Долго они друг другу про судьбу свою рассказывали. И с тех пор всегда вместе. Редкий день пройдет, чтобы не виделись.

Соскочил с трамвая Степка, а Ванька уж на углу поджидает.

— Сегодня дельце есть,—говорит, оглядываясь по сторонам.—Утром кое-что из кухни одной слимоним, вчера присмотрел,—а там еще кое-что наметил.

— Ладно!—говорит Степка... Пошли.

Вошли по черной лестнице к Дому Союзов.

— Ты отсюда вниз смотри,—учит Ванька;—как только хозяйка с мусором выйдет, в два счета вниз в кухню—и хватай в мешок примус, утюг на плите, мясорубка тут же, да не валандайся, в момент, а потом сюды же наверх, так и лезь сверху; я «тявкну» снизу, когда она обратно войдет, тогда ты кубарем вниз, потом к задним воротам и сбивай на Хитровом Ивану, только, мотри, обходи с заднего ходу.

— Не впервой!—говорит Степка.

Все было сделано, как наметили; Степке удалось, кроме намеченного, и пару галош стянутъ, чайную ложку да полотенце с гвоздя—ничем не побрезговал.

А Ванька проводил его на Хитров рынок, поднялся сверху, да и спрашивает обокраденную хозяйку:

— Тут Иванов живет? Вот повесть ему!

— Какой тебе Иванов! убирайся, и так обокрали!

— Запираешь надо, тетенька, мало ли воровто шляется—учит, уходя Ванька.

Выходя со двора, заметил Ванька на играющих ребятах хорошую каракулевую шапку. Примостился к ним, поиграл минут десять, дразнил ребят начал, а кончил тем, что, выбрав минутку, когда старших не было, сорвал шапку с головы и убег.

Разревелся малчик, пошел матери жаловаться, а Ваньки и след простыл.

Спустив краденое, Степка отправился поздневать в харчевку, как обещал. Компания поджи-

дала на улице. Сунув малышам по двугривенному и отослав их с глаз, Степка и Ванька зашли подневать в харчевку.

К вечеру решили на побывку в сарай к Ванькиной тетке Марье с'ездить. Пряников мясных по дороге купили, колбасы, французских булок, вскочили на подножку первого отходящего пригородного поезда и, придерживаясь за ручки, благополучно проехали два перегона. Ночь была холодная, ветер хлестал в лицо и рвал лохмотья.

Посинев от холода, издрогшие, соскочив на полустанке, побежали они от шпал в сторону, без всякой дороги.

Около просеки, за глубокими ямами виднелись развалившиеся, брошенные кирпичные сараи. Впереди стоял дом без потолка и окон, вместо двери темная дыра; на полу внутри огромная куча старых кирпичей. Нельзя было подумать, глядя на разрушенное здание, что здесь жилъем пахнет. Никаких признаков жизни снаружи не было видно: скрывавшийся здесь люд принимал все меры к тому, чтобы вокруг не было никаких следов.

Забравшись за кирпичи, ребята толкнули скрытую за ними дверь, вошли в пусклую низкую нору; ощупью спустившись по ступенькам, они пробирались по земляному полу вглубь; толкнув еще низенку дверцу, они вошли в другой коридор, такой же темный. Пахло сыростью, грязным тряпьем, дымом. Где-то пискнул ребенок и разревелся, в углу поднялась тень и заслонила слабый огонек самодельной коптилки.

— Туды или! прямо на огонь, там она, тетка-то,—командовал Ванька.

Степка огляделся. Теперь видно было, что на нарах вповалку лежат кучи лохмотьев, тут и ребята, и бабы, и мужики.

Услышав плач, кучи заворошились, раздался рев из другого угла, там тоже засветился слабый огонек...

На полу, вместе с дровами и щепками спали люди, не поместившиеся на нарах; трудно было прорваться среди них.

Кашель смешался с ревом, в бараке все заворожилось!

— Темь! а темь! это я — кричал Ванька.

— И вправду Ваняшка! Ну, шагай сюды, а я огня вздую!

Сухая тщедушная женщина подбросила щепы в железную печь, запрещал огонь, вспыхнул языками, осветил спящие на нарах лица.

Около слепого старика татарина, маленький, почти голый татарченок тер грязными кулаками загноившиеся, почти слепые глаза. Дым из печки быстро заполнил барак, трудно было дышать. Восьмимесячный ребенок пытал иссохшую, отвисшую грудь; завидев Ваньку, выбросил, пропянил к нему сухие рученки...

— Вот тебе, Митяй, и пряник московский, а тебе, петка Марья, булки с колбасой и в придачу два целковых на пропитание! — говорит Ванька.

Марья радостно вскинула вспотевшие глаза. — Мотри, Ванька, правильно ли промыслил?

— А тебе што! Брюхо не спрашиваем! Бери без разговору.

— Иззябли, поди, чайку вскипятить, — и Марья поставила безносый чайник на железку.

Покуривая цигарки, ребята живо обогрелись возле железной печки, пока кипел чайник.

Щели барака были заткнуты грязным тряпьевем, кое-где умазаны глиной, но ветер, свирепевший на дворе, проникал в щели, и через полчаса от тепла не осталось и помину.

Согревшись кипятком, закусив колбасой с булками, ребята улеглись спать на нарах, съежившись комочком.

Встали они рано. Луч света едва проникал в темное логово, но теперь видны были его обитатели. Тут были и татары с гноящимися глазами, и безногие спарики нищие, калеки, ползающие на коленках, куча ребят всех возрастов, которых промышляли нищие, и собственные ребята, одним словом, основными жителями сараев — были нищие и беспризорные.

Кроме нар, обстановку дополняли два-три котелка для варева и обрубки дерева, заменявшие стулья.

Тяжелый, сперпый воздух, дым, евший глаза, изкопавшей железной печи скоро выгнали Степку и Ваньку долой, на воздух. Нужно было поспевать

с самыим ранним поездом, пока легче было проехатъ зайцами. Вылезши из барака, оглядываясь по сторонам, побежали они к полустанку. У каждого в кармане позякивало по три целковых.

Ванька решил купить папиросы и пока повести торговлю; Степка от торговли отказался.

— Не я буду, если сегодня не расшибу скулешник! Брось папиросы, пойдем на Сухаревку к товарам прицеливаться!..

— ПовремениТЬ надо,— отвечает Ванька.— И так к нам присматриваются, опять словят и в дом уведут.

— А Петька с Андрюшкой ловко часы режут,— говорит Степка;— ни с одного трамвая пустые не сойдут. Позавчерасть полтора червончика чистоганом отработали!.. а кто вымал?.. Андрюшка сапоги себе купил и фуражку господскую!

— Не!— отдохнуть надо,— отвечает Ванька.— Мне— с повестками, а ты спреляй, пока не попадешься...

Разошлись ребята.

Не повезло в этот день Степке.

Втroeем на рынке охопились.— Андрейка с Петькой в помощниках.

Андрей, когда Степка мигнет, в бок прохожих подшибал; Петька спереди кубарем, для отвода глаз, под ногами с горчицей и эссенцией навязывался, а Степка в шесноте чирк ножичком,— глядь и сумку подрезал и за пазуху, либо из кармана часы срезал, а то просто из корзинь цапнет верхний кулечек с чем попадет!

Сначала все шло благополучно. Нарыбачили порядком, уйти бы надо, да раззадорила полстаяя купчиха в „пальте“ с растопыренными карманами.

Степка за ней по пятам досмотром, глаза на карманы пялил... Видно приезжая, из кармана приискательский кошелек торчит. Купим, расплачимся да опять в карман запкнем!

Только Степка запустил за кошельком руку, а она как цапнет его за руку, как завопит да заголосит на весь рынок истощенным голосом,— не

успел и опомниться, как повели в милицию, а оттуда в Гавриковский — к правонарушителям!

Петяка с Андрюшкой успели спрекача дать. Уныло бредет Степка с милиционером.

На окраинах Москвы за Гавриковым переулком есть бывшая тюрьма. Пройдя через каменные тюремные ворота, вы увидите большой мрачный дом в глубине двора, в нем и помещаются

дети, попавшие за кражи, „правонарушители“, как их называют. Вокруг дома куча отбросов, дом грязный, парадный ход заперт; ходят вокруг со спороны подвала. Сюда в четвертый раз привели Степана. Дети встретили его свистом, гиканьем; записали в канцелярии, воспитатели его хорошо знали и заперли в отдельную комнату. Поднял

Степка вой, разом две рамы высадил; прибежали воспитатели, повели вниз в подвал, рядом с мастерскими.

Обрадовались ребята Степке в мастерской, как увидали, стали просить воспитателя:

— Отпусти ты его, дяденька, он больно ловко подметки подбивает, пусты покажет! Виши гляшки голые, вода подходит, починится надо!

Унылые голоса ребят тянули за душу, плонул воспитатель, рукой махнул:—А ну его, пускай учит! Только вы его под свою ответственность берите!..

Выпорхнул Степка, разлился соловьиной трелью, словно настоящая птица: лучше его не умел никто соловьем свистать.

Ожили ребята, встрепенулись, обступили Степку.

— А колодки новые есть?—хозяйским тоном спрашивал Степка. Нету? Ну вот все тоже! И кожи нет, опять огрызки!

Эх, житве!.. Ведь не ушел бы, какись, отсюда, кабы работа была!

— Плети корзинки,—говорит сухопарый малчик,—тоже дело!

— Нет уж, сказал, что корзинки не буду, и не буду, вот сапожничать согласен!

Закипела работа; починили прое сапог, а больше и материала нет, шитье не из чего, и обрезки все подбрались.

Скучно опять спало... Гулять непускают. Целый день околачивайся без дела. Болит у Степки душа по улице—на свободу тянет! Каждый день встает с одной надеждой—„убежать!..“

А убежать нельзя, зорко смотрят.

Придвигалось 18 марта—день празднования Парижской Коммуны. Закопошилось начальство: приемник надо подчистить; обследовать будут, и комсомольцы в праздник придут речи говорить. „Подшефными“ берут правонарушителей.

Закипела работа, бумагу, карандаши достали и ребятам раздали, к выставке рисунки готовить; корзинки плетут; шесть человек послали двор

чистить, выгребные ямы в порядок приводить; — и радехоньки же работе ребята; трое за елками поехали, а воспитатели по Москве за лозунгами да портретами рассыпались!

Наступило 18 марта...

Из Губнаробраза обследовать пришли, и комсомольцы тоже. Стали речи говорить, о револю-

ции все больше; говорили хорошо, только понятного для уличных ребят в тех речах мало...

Слушал Степка, а сам про себя думал — улица лучше, там волготно, опять туда бы!..

Тоскует по улице Степка.

Кончили речи, пошли мастерские осматривать, в них десяток корзин плетеных да три пары сапог.

3. Как Степка беспризорный стал пионером.

— Охотно ли работают? — спрашивают комсомольцы.

— Эх, кабы было из чего! — заголосили ребята.

— Хоть бы колодок пару!

— Обрезков хоть бы дали!

— Хушь маленько спрументу бы добавимъ.

— Да маловато, маловато, — говорят комсомольцы.

— Век бы не убежал отсюда! — грудным бархатным голосом молвил Степан.

Голос его обратил на себя внимание комсомольцев.

Заговорил о нем воспитатель:

— Поет замечательно! голосина, что твоя труба! Только нравом болно неспокойный: три раза убегал отсюда и, как ни корми, — все волком смотрит...

Обступили комсомольцы Степана, просят спеть.

Не хочется Степке их забавлять — зла на душе много, а хорошие их слова до нутра не додали. Какая-то заслонка мешает.

Но тут свои товарищи обступили, просят:

— Что мы, хуже что ли их? Не сумлевайся Степа, валяй Интернационал!..

Опшел в сторону Степан, выпрямился, руку за спину, положил да как хватит во всю глотку: „Вставай, проклятьем заклейменный!..“

И полился, и зазвенел чистой сталью торжествующий гимн!

Стоявшие вблизи комсомольцы шарахнулись в сторону: оглушил голос, в ушах звенит. Льется из могучей груди и звонким эхом разносится под сводами подвала мастерской!

— Каков голосок? — говорит воспитатель.

— И откуда такая силища берется! — удивляются комсомольцы.

Кончил петь Степка, все в ладоши хлопают, а он сел на обрубок, повесил голову и, сколько его ни просили, отказался петь.

Скучно ему стало, не по себе как-то!..

Собрались в кружок комсомольцы, оживленно толкуют, взглядывая на Степку; отдалились двое, подошли, стали спрашивать:—откуда? по какому делу? за что?

Исподлобья смотрит Степан, не верит он им, во всех людях изверился, чудно ему, непонятно, какое им до него дело: такие же как и я, а туда же с вопросами!—думает Степка.

— Мы тебе помочь хотим!—говорят комсомольцы.

— Да! Как-раз!—думает Степка. Нужна мне ваша помощь, в детский дом до могилы запрячете. Нет уж, хватит!.. И молчит на вопросы.

Пошли дальше комсомольцы рисунки рассматривали. А уходя, долго еще с воспитателем про Степана говорили.

— Мы его обязательно на поруки возьмем! Его в музыкальную школу отдать надо!..

Задумался Степка, про какую такую школу они говорят; ему и невдомек, что есть школы, где петь учат.

Не прошло и недели, как двое из них вернулись за Степаном. Бумагу привезли. Одели Степана в сапоги, сапиновую рубаху, теплый пиджак дали, обрядили честь-честью и оппостили.

Позвали его комсомольцы в свой клуб, пообедали вместе, да и говорят:

— Вечером голос твой пробовать будут, мы уедем сейчас, а ты сиди тут, нас дожидайся... — и уехали.

А Степке только того и надо. Выбрал удобную минутку, да и был таков, только его в клубе и видели.

Удалось в тот же вечер с Ванькой и своей братвой встретиться. Обрадовались ему; увидавши, посыпались остроты:

— Что, опять ехали кончили?

— В который класс перевели?

— В награду, видно, сапоги-то выдали?

Рассказал Степка про все.

— На улице волготнее, без начальства!.. — говорят ребята.

— А мы теперь в новые промысла пустились, — говорит Ванька, — билетами театральными торгуем; пойдем с нами.

Пошли к Большому театру.

Присмотрелся Степка к торговле, понял, как выслеживать публику, у которой билета нет, приловчился и предложил вскользь мимоходом, и за уголком садика деньги получить.

Одним словом, в курс вошел!

Только раз оперу „Демон“ ставили. Звонок уже подали. Остался один билет непроданным. Кто-то посоветовал: — а ты сам сходи!..

— А что и впрямь! — думает Степка, ведь я никогда отроду в театрах не бывал. Решил сходить и быстро поднялся на галерку...

Все, что он увидел на сцене, ошеломило его! Сразу Степан оторвался от своей жизни и ушел, растянул, распрыгнулся весь в картинах, в звуках оркестра, в пении певцов. Он не жил, не существовал, он жадно ловил звуки, впитывая всем существом в проносишись картины.

Кончилась опера, все спали уходить. Степан сидит и не может очнуться от виденного.

Спохватился, схватил фуражку, пошел в свое логово под асфальтовый чан, а в голове продолжают звучать напевы.

Поет что-то внутри у Степана, и счастлив он, в первый раз счастлив в своей жизни!

— Этакое дело, — думает Степан, — а я и не знал, каков он этот театр-то! Вот оно что!

Спит Степан под чаном, а во сне снится виденное; гремит оркестр, поет хор и Демон на скале. Как хорошо! Век бы не просыпался.

На утро проснулся сам не свой.

Целую неделю ходил, как в угаре... а ребята пристают — что ты, Степка, как оголтелый, ходишь?

Не знал о такой жизни Степан!..

— Уж где же это они так петь научились? Эх, и поют же!.. Вот бы мне так! — думает Степан — хорошо поют, век бы слушал!..

Больше всего на свете любил Степан свободу, привольное житье да свои песни, гордился ими и думал, что лучше их и быть не может, а тут накось, вот оно что!..

Теперь от театра вечером не отходит Степка, словно как привязанный. Зарабатывает гроши на стороне, сам в театр на галерку. А как не захотели раз капельдинеры из-за грязного вида пускать, так стал обчищаться да под краем на улице мыться; даже к парикмахеру подстричется сходит.

Ударила музыка понупру Степана. Теперь из него можно бы что хочешь сделать!

Скоро он сам научился многие арии распевать, и ребята дивились откуда у него такой запас новых песен берется.

Выучится Степка и давай их хором обучатъ.

„Тише, тише подползайше“. Или:

„Ноченька, темная, скоро ли...“

Хорошо пел Степка. Вокруг большая толпа народа собиралась.

Раз в театрешел „Демон“, а Степка на улице к концу спектакля поет арии из „Демона“. Слышат толпа и не знает, кто поет лучше, там ли в театре, или здесь на улице этот подросток!..

Поет Степка, а товарищи в фуражку деньги собирают. Вышли из театра артисты, услыхали певца, ахнули.—Откуда ты? Кто такой? Смотрите, самородок. Талант.—Обступили:—Поедем с нами,—говорит молодая артистка,—поедем,—и тащим за руку.

А ребята сзади шепчут:

— Ну, их к чорту, Степан! Не слушай! Уvezут опять в дом,—и тянут они его за пиджак в сторону.

Но Степан уже не тот, теперь он знает цену музыке: она тянет его к себе, и хочется узнать от них, как они так петь научились.

Поехал с ними Степан.

Ужинать посадили, потом просят петь.

Степан не долго заставил себя просить. Сегодня он не жалел своих песен: он пел и из оперы, и свои деревенские,—все что знал, чем гордился!..

Артисты много оживленно говорили, что делать, куда его приспироить, как помочь. Поручили Ивану Петровичу о нем позаботиться, а пока оставили жить у себя на кухне.

Душа горела у Степана; все ждал, чем все кончится. Одной половиной верил, что люди помогут о нем хлопотать, а внутри что-то говорило: „Не верь, так от жиру брешут, поговорят, да и забудут“.

Так оно и вышло!

Свозили его голос пробовать, поговорили, прощение подали, а за ответом все с'ездить было некогда да недосуг, а там собрались все в один день, да и уехали на юг, куда-то.

Пришел Степка в кухню ночевать, а ему записка, а при ней пять рублей денег. Только и всего!

Больше всех торжествовал Ванька, когда узнал, что уехали артисты и Степке хвост показали.

— Эх, ты, дура споеросовая! Не я ли тебе говорил, что плонут они на тебя! Всякому лишь до себя!

Так и окончились Степкины мечты: ничего не вышло!..

А тут Ванька пристал:

— Брось, Степка, беришь за ум! — тут спешное делце нужно обварганиТЬ... — Работать с отмычками! Стигней Косой орудовать будет — нам помогать: в пять минут квартиру вычистить дочиста надо. Концы к Касатке Стигней сбудет, в дележке не обидит! Дело крупное. Согласен?

Все соглашаются.

Ванька отбирает ловкачей; дураков не нужно, а то один дурак все дело испортить может.

Началась подготовка. Волнуются ребята: не нажива их пьянет, а удалъ, ловкость, спорт, нужно так обварганиТЬ, чтобы никаких следов, никакой надежды на розыск не оставилъ.

Квартира намечена в нижнем этаже, все торговать уходят, только висячие замки на дверях домовничают.

Степке роль извозчика на лошади предлагается. Стигней его оденет. Ванька с большой корзиной на голове, будто фрукты — у крыльца будет продавать, Михайло старьевщиком-татарином обрядится. Стигней с отмычками, Василий хозяина изобразит, осталъные на карауле. Тревогу подавать — собакой тявкать. Мастеров много!..

Неохотно шел на эту кражу Степан. Прошел интерес, что-то внутри мешало!

На утро сварганиТЬ кражу и выбратъ все из квартиры было делом пяти минут. Степке чемодан вынесли прежде всего, и он уехал с ним, как бы на вокзал; Ваньке в корзину мелочей, что поценнее, наложили, старьевщик еле мешок вынес. Одним словом, дело было сделано так чисто, что даже замок обратно сломанный повесили и

до вечера никто и не знал, пока хозяева не пришли, что кража внизу.

Обстряпав дельце, ребята дней на десять в сараи скрылись, на отдыши!..

Но нерадостна Степке эта удача. Мрачно на душе, отправлено все, ни на что бы не глядел, казись.

Ноет червяк, противна стала бродячая жизнь...

Подозвал он как-то Ваньку, к вечеру, да и говорил:

— Вот что, Иван, больше я на такие кражи не пойду! Хушь ты лопни! Что это за жисть? Только и есть что грабеж за грабежом! Не хочу я, и ты меня больше не зови!

— Тебе бы канипелью вышивать, али пликацию в детском дому вырезать,—издевается Ванька — Пра! Чего тебя корежит-то, впервый что ли?

— А вот прикончил,—да и баста!—опрезал ему Степка.

— Напропитание пуда-сюда, а чтоб грабительством — хушь ты меня режь, не пойду!

— Эвона! каки он проповеди разводит! Ступай в монастырь коли так!

С этого разговора Степка угрюмый ходил, нерадостный. В душе Степана двойлось, хотелось изведать настоящей, человеческой жизни.

Только весна немножко примирila. Как-то радостно стало, с Ванькой немножко помирились, только в крупные кражи он его теперь не звал!

Московская публика слыхала их в дачных поездах, с которыми они ежедневно разъезжали взад и вперед, собирая гроши за пение; в праздники их можно было видеть около дачных театров в Малаховке, в Пушкине, в Серебряном Бору.

В один из праздников вся компания, закупив удочек, ехала в сараи, чтобы порыбачить там в глубокой речке. В одном с ними поезде отряд

пионеров выступал в лагеря. Случайно остановились на одном полустанке.

Скоро забелели их белые палатки на высоком холме недалеко от сараев. Лучшее место выбрали вожаки для лагерной жизни. Привольно, тихо вокруг. Говорливо тихая речка плещется... рыбы много... купанье хорошее...

Спустилась ночь.

Далеко развеялся и алея вспыхнувший пионерский флаг: из-за лесу было видно.

Не по сердцу их стоянка жителям сараев. Близко очень,—спали думать, как избавиться от соседства. Придумали! Обкрадем сегодня же ночью, уйдут в другое место подальше...

Степка принял спорить.

— Кого чистить—то собирались? Такую же голышомбу, как и мы с вами!

— Ну как же от них избавиться? Да и пожрать охота...

— Ну, вас к дьяволу, работайте без меня,—говорит Степка.

Но к вечеру ребята его урезонили.

Наступила ночь. Подкрались бродяги, в кустах засели.

Весело у пионеров. Картошку жарят, песни хором поют.

— Красивы пионерские песни, больно подходящи!—думает Степка, лежа в кустах;—и поют, язви их, хорошо! Да и живут не хуже! И на приволье, сами себе господа, и честь-честью без озорства! Эх, жисты!—завидует, лежа в кустах Степка.

Раздались задорные речи, спали ораторы о деревенской нужде говорить, о помощи деревне.

Слушает Степка, сам себе дивится,—почему теперь эти слова ему понятны? А раньше когда комсомолцы говорили—все чужим казалось, посторонним! Видно в заслонке отдушина открылась, коли слова понятны спали! Так, надо думать...

Кончились речи, потушили костер, улеглись спать.

Подполз Ванька:—начинай, Степан!

— Не хочу я пачкаться с ними,—говорит Степка,—бросьте!

— Эка баба! Степана! Убирайся к лешему...— Валяй ты, Антохал..

Мигом ножичком прорезали палатку, вытащили хлеб, мясо и скрылись.

Переехали в лодке на другой берег, ушли вдаль, чтобы огонь было не видно, разожгли костер, поужинали.

Долго Ванька ругал Степана, ребята смеялись, а Степка и к пище не притронулся.

Ночевали в кустах. Привыкли..

На утро не мало переполоху в лагере пионерском было: воров, конечно, не нашли; но с того дня установили караул.

На другую ночь Ванька с ребятами разложили огромный костер на берегу речки около пионеров: варили уху из наловленной рыбы.

Не меньше был и пионерский костер, напротив, на холме, около палаток. Оживленно и весело суетились вокруг огня пионеры. Начались упражнения, гимнастика, игры, полились песни.

У Ванькиного огня—свой молодняк, и тоже не скучно! Даже и Степка сегодня в духе.

Кончили петь пионеры, принялись за ужин. Пристают и ребята к Степану:—Спой Степка! покажи себя, пусть не важничают больно! Что мы, хуже их что ли?

— Не, постой, робя! Я им сначала соловьем просвищу—пусть птицу ищут!

И защелкал, разлился соловьиной трелью, что тебе самая настоящая птица. Смеются ребята, а сами на пионеров поглядывают. Те встрепенулись, к соловью прислушиваются, на кустыглядят, привстали. Присоединился Ванька, вдруг два соловья защелкали. Смеются ребята на берегу...

— А ты, Андрей, кричи свой, а ты, Петруха индюком или кукушкой...—и огласился лес звонкими песнями всевозможных птиц.

Догадались пионеры какие это птицы, смеются, красным флагом машут.

Устали забавляться ребята,—надоели...

Притянули огромную сосну, в костёр бросили. Запрещал огонь, высоко вспыхнуло пламя, разгорелся костёр выше лесу языками высокими!

— А, ну, Степка! уважь теперь!—пристают ребята.

Степка подошел к самой речке. Засучил рукава, на грудь их крестом сложил, и полился по реке, как по бархату, песня:

„Ах ты, но-о-ченёвка, а... ночка—темна-а-я!“..

Вздрогнул пионерский лагерь.—Вот так голос! Слышь, ребята, на реке! И вмиг весь лагерь окружил певца.

Кончил Степка. Ребята кинулись спрашивать: Кто?.. Откуда?.. Что делают?..

Но наши рыбаки встретили их довольно сухо и, взяв котелок, прыгнули в лодку, и ударили весла, а хоровая песнь про „Ухаря купца“ неслась и удавлялась по реке вместе с лодкой.

Долго говорили о них пионеры:—Кто? Бродяги? Беспрizорные? Правонарушители? Как? Почему? Что их ждет, и так далее... Под эти разговоры и заснули.

Несмотря на кражу, лагерь не уходил. В сараах волновались, старшии поддакивали Ваньке, что надо их лагерь или поджечь, или основательно выкрасить все добро. Степан не соглашался. Большинством решили,— как успокоятся, не станут остерегаться—приехать с большой командой и разогнать так или иначе лагерь.

Степку стыдили, отказаться было нельзя: на посмешке он не хотел быть, да и что они ему, пионеры-то братья, что ли?

Через неделю приехали девять человек да в сараах понабрали человек пять.

Пришла ночь. Опять засели в кусты; ждут, когда пионеры спать улягутся, присматриваются. Уснули те крепким сном...

Упал туман, сырое и холодно стало!..

Ванька расставил всех цепью друг за дружкой, чтобы бесшумно выкраденное из рук в руки передавать.

Впереди Степку поставил в наказание за упрямство.

Свистнул свой, Степка чиркнул ножичком палатку, благополучно передал хлеб, ведро с мясом; только начал насыпать картошку, как кто-то схватил его за руку. Степка свистнул, вмиг компания рассыпалась за кустами.

В лагере поднялся переполох. В пятъ минутъ весь лагерь встал как один!..

Степка крепко вязали руки. Ванька держал команду наготове, крепко сжимая кулаки, он выжидал минуту, чтобы кинуться всем в бой.

Удалъ, задор, желание померяться силами, отбить Степку — горело в молодых сердцах. Подкрались поближе и, по крику совы, кинулись на пионеров.

Засада вышла неожиданной. Сначала распялись; Ванька успел разрезать Степану веревки, и топ, не вставая с места, лупил кулаками, но скоро команда вожатого оказала действие: Степка и Ванька были вновь связанны, а оставленные успели улизнуть.

К пойманным поставили надежный караул; в соседней палатке собрался весь отряд и два вожатых. Начался совет, что делать с пойманными. Ребята горячились. Сыпались разные предложения. Кто советовал немедленно ехать за милицией, кто вести их в милицию, кто предлагал допрос. Старший вожатый, Митя успокаивая и призываая к порядку, взял слово.

— Товарищи, — говорил он, — мы должны поступить как пионеры! Пионер должен смотреть в корень зла! Спросите их сейчас, чувствуют ли они свою вину? сознают ли что сделали? и вы увидите, что нет, — не сознают! Наше дело подойти к ним ближе, по-товарищески, попробовать их спасти... Попробуем, товарищи?

Раздались возражения. — Зло должно быть наказано, — горячились пионеры. Нужно снять допрос, — кричало большинство...

Но допрос не дал ничего.

Связанные не желали отвечать: Степка упорно молчал, Ванька отвечал дерзостями.

На дно упала душа у Степки. Слышал он все речи в соседней палатке. Словно ножом резали по сердцу слова Мити.

Долго опять спорили пионеры. Убедил всех своей искренностью и теплотой Митя.

Голосовали все за товарищеский подход — получили говорить с пойманными Митя.

Пошел к связанным в палатку Митя. Молча разрезал веревки, сел рядом со Степаном, закурил.

Долго молчали...

Выкурил Митя, да и говорит:

— А ты здорово поешь! И голосина же у тебя, что твоя труба!

— А ты откуда знаешь? — вскинул глазами Степка.

— Я-то, да я тебя прошлый раз на берегу заприметил! Учишься тебе, парень, надо! Голос свой обрабатывать, а с такой жизнью навсегда прикончить пора! Так, что ль?!

Степан смотрел уныло исподлобья, а сам думал:

— И зачем ты меня бередишь по самому болезненному месту! Учишься!.. — А кому нужна моя наука — молвил Степан.

— Всем нужна! Людям нужна! — понимаешь?

Митя говорил просто, искренно, задушевно.

— Давай тебе говорить сразу по-хорошему... Вот вы свободны оба! Ну, что, опять воровать пойдете, али у нас здесь останетесь... как равные? Что лучше, жить по-хорошему, помогать нам?.. Или опять на улицу?

— Хотите по-товарищески? Как равные?

— Какие же мы вам равные! — говорит Степан; — разве мы можем?

— Эх, Степа, брось! Может и из нас много было плохих, да выправились. Ну?!

Ванька ничком перевернулся наземь, закрыв голову руками.

Подошел Степан к Мите, взял его за плечо, хотел что-то сказать, а слезы помешали!.. Уткнулся головой в его плечо, а плечи вздрагиваю...

Остались ребята в лагере. Чужими они себя здесь не чувствовали. Как-то сразу Митя все отношения наладил!

Счастливым на утро проснулся Степка, хотелось верить, что он здесь товарищ, а не чужой, что ему верят, что есть надежда жить по-человечески, а впереди может и учиться будут!

Ванька в первый же вечер рассказал многое из своей жизни.

Ребята вместе с другими оживленно принялись за работу: кололи дрова, удили рыбу, все вместе поехали в подшефное село.

Жизнь у пионеров на свободе, полная интересной живой работы, по душе пришла Степке и Ивану.

Старые товарищи наведывались в лагерь; сначала прятались в кустах — стыдно было, а потом стали просыпаться пожить с пионерами.

Осенью Степку удалось пристроить приходящим в музыкальную школу, а Ванька орудовал на пашне, принадлежащей пионерам.

Prop. 1969

ЦЕНА 40 КОП.

К

